

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО»

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 10 декабря 2017 г.

Аннотация: в данной статье рассматриваются семантика и функции колокольного звона в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство». Выявляются основные типы колокольных звонов, присутствующих в произведении писателя. Автор — носитель православного мировоззрения, и поэтому большинство аудиальных образов в его текстах, включая и звон колокола, связаны со сферой церковной жизни.

Ключевые слова: колокольный звон, Никифоров-Волгин, цикл рассказов «Детство», литературный мотив, сюжет.

Abstract: the article is devoted to the semantic and functions of bell ringing in the cycle of short stories "Childhood" by Vassily Nikiforov-Volgin. Identifies the main types of peals that are present in the work of the writer. The author is the bearer of the Orthodox world outlook, and most auditory images in his texts, including ringing bells, associated with the sphere of Church life.

Keywords: bell ringing, Nikiforov-Volgin, cycle of short stories "Childhood", literary motif, plot.

В статье Е. А. Осминой, посвященной анализу церковных песнопений в циклах рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство» и «Из воспоминаний детства», отмечается, что этот прозаик мастерски описывает звук и звучание: «<...> и чистый звук, и наложение звуков друг на друга, и контраст между тишиной и звуком» [1, 224]. Исследовательница приходит к выводу, что Никифорову-Волгину можно отдать пальму первенства в отношении «звука», если сопоставить его творчество с произведениями, к примеру, И. С. Шмелева и И. А. Бунина, каждый из которых осваивает свою сферу восприятия мира: визуальную и одористическую соответственно. Е. В. Блохина, рассматривая специфику языка писателя, также отмечает особую способность В. А. Никифорова-Волгина к описанию аудиальных образов [2, 213]. В нашей статье мы обратим пристальное внимание на колокольный звон в текстах В. А. Никифорова-Волгина, еще не попавший в поле зрения филологов как самостоятельный объект изучения¹.

По мнению С. Исакова, рассматривающего творчество В. А. Никифорова-Волгина, писатель «был православным христианином, и это прежде всего определяет его мировосприятие. По искреннему его убеждению, основой всей нашей жизни может быть только вера в Бога, на ней держится мораль, без нее люди превра-

¹ Заметим, что уже существуют работы, посвященные анализу и истолкованию образов колокольного звона в произведениях А. С. Пушкина [3], Н. В. Гоголя [4], С. А. Есенина [3], [5].

щаются в зверей» [6, 334]. В настоящее время автор цикла «Детство» прославлен Русской Православной Церковью в чине святых новомучеников². Несомненно, что произведения, созданные прозаиком, в достаточной мере отражают в себе особенно, свойственные православному мировоззрению. О различии западного и восточного — православного — христианства по сенсорному критерию пишет И. И. Лященко: «На Западе в целом с большим пиететом относятся к зрению. Человек в этой ментальности из альтернативы КАЗАТЬСЯ / БЫТЬ всегда выберет первое. <...> А на христианском Востоке зрению часто не доверяли. Например, преподобный Нил Синайский замечает: «Зрение различает только более грубое в чувственном, да и в том нередко ошибается». Следуя за сложившейся традицией, святитель Иоанн Златоуст называет настоящее и блага этой жизни «видимым», а «слышимое» сопоставляется у него с будущими вечными благами по воскресении. Зрение открывает внешний мир и ориентирует человека вовне, а слух больше вводит личность под своды ее внутреннего мира, направляет к самонаблюдению» [8, 69]. Вероятно, обозначенной особенностью православной ментальности и объясняется столь существенное внимание, которое В. А. Никифоров-Волгин уделяет аудиальным образам в своих произведениях и колокольному звону, в частности.

² Н. В. Пересторонин в монографии о жизни В. А. Никифорова-Волгина указывает, что память новомученика Василия отмечается 14 декабря [7, 8], приводит текст тропаря, посвященного этому святому [7, 11].

Цикл рассказов «Детство» открывает «редкий великопостный звон» [9, 3]. Колокольный звон — один из наиболее частотных звуков, присутствующих в прозе В. А. Никифорова-Волгина. Удары в колокол в его текстах — это и зов на церковную службу, и украшение праздничного богослужения, и выражение радости. Автор обращается к разным видам церковного колокольного звона, каждый из которых сопряжен с особым смысловым комплексом в его рассказах. Постный благовест³, звучащий в самом начале цикла, не просто упоминается в тексте, но вводится с развернутой метафорой: «Редкий великопостный звон разбивает скованное морозом солнечное утро, и оно будто бы рассыпается от колокольных ударов на мелкие снежные крупинки» [9, 3]. В последующих рассказах цикла вновь актуализируется заданная здесь семантика разделения целого на части и возникает образ раскалываемого льда, соотносящегося с «мелкими крупинками» снега, осыпавшимися от ударов: «Колькин голос, как птица, взлетает все выше и выше, и вот-вот упадет, как талая льдинка с высоты, и разобьется на мелкие хрусталики» [9, 11]; «Дворник Давыд раскалывает ломом рыхлый лед, и он так хорошо звенит, ударяясь о камень» [9, 15]; «По голубой шумливой воде плыли льдины и разбивались одна о другую» [9, 24]; «<...> с реки доносится ледяной треск <...>» [9, 32]. Череда этих образов, обладающих звуковыми характеристиками, связана с наступлением весны — как природной, так и духовной. «Духовной весной» в православных песнопениях назван Великий пост. «Великий пост» — это название первого рассказа цикла «Детство». Колокольный звон, вещающий о начале поста — периода работы над душой, времени оживления души, в то же время дает природе импульс к пробуждению от зимнего сна (календарно, как можно увидеть по сюжету рассказа, весна еще не наступила). Духовная реальность, таким образом, для автора первична, и перемены, происходящие в материальном мире, обусловлены событиями в духовной жизни людей, в жизни церкви. Звон колокола в такой смысловой системе координат выполняет, помимо всего прочего, и сюжетообразующую функцию, направляя как движение сюжета первого рассказа цикла (рассказчик идет в храм, слушая по дороге звон церковного колокола), так и организуя сюжет наступления весны, выраженный в образах «снежных крупинок» и расколотого льда.

Путь мальчика Васи в храм сопровождает также скрип снега: «Под ногами скрипит снег, как новые сапоги, которые я обуваю по праздникам» [9, 3]. Пока-

³ В книге прот. Серафима Слободского «Закон Божий» об этом виде колокольного звона говорится так: «[Благовест] <...> постный или редкий, производится меньшим по величине колоколом, в седмичные дни Великого Поста» [10, 704].

зательно здесь отсутствие темы скорбности, печали великопостного звона. Напротив, для рассказчика это время — время праздника, радости, новизны. Прот. Серафим Слободской пишет о том, что колокольный звон — индикатор состояния души человека: «<...> Чувство беспокойства, душевного томления вызывается колокольным звоном в душе постоянно грешной. Между тем как в душе верующей, ищущей мира с Господом Богом, церковный колокольный звон возбуждает светлое, радостное и мирное настроение» [10, 703]. У рассказчика, несомненно, внутреннее состояние души устремлено навстречу Богу, и даже великопостный звон рождает в нем чувство радости.

В церкви Вася слышит от священника «никогда не слышимые слова» [9, 4] молитвы, читаемой на час третий. Это обычное чтение в начале церковной службы, великопостная тема тут еще не звучит, но для Васи слова молитвы новы и звучат по-особому. Мальчик, как понимает читатель, еще только знакомится с миром веры, и открытие это совершается с самого начала «духовной весны».

В третьем рассказе цикла — «Исповедь» — колокольный звон получает семантику, связанную с состоянием души рассказчика. Здесь представлены две противоположные друг другу сюжетные ситуации: ситуация покаяния и ситуация искушения. К покаянию призывают «печальные великопостные колокола» [9, 17]. Печаль сопряжена с сожалением о содеянном, к которому призывается мальчик. Именно потому в его восприятии колокола звучат уже не празднично, а скорбно. Ситуацию искушения в тексте создают сверстники Васи, зовущие его подняться на колокольню, откуда ему хотелось бы позвонить в колокол (такое возможно на Пасху и на Светлой седмице как выражение особой радости, но в Великий пост неуместно). Мальчик преодолевает это искушение, и колокольный звон в этом рассказе больше не появляется.

В Великий Четверг меняется звучание церковного колокола: «В десять часов утра ударили в большой колокол, к четверговой литургии. Звонили уже не по великопостному (медлительно и скорбно), а полным частым ударом» [9, 23]. Колокольный звон указывает на особенность совершаемого праздника, соотносен с его смыслом. Прот. Серафим Слободской говорит о таком значении колокольного звона в это время: «<...> во дни Страстной седмицы [колокольный звон] напоминает нам о нашем примирении с Богом через Христа Спасителя» [10, 703]. Кроме того, Великий Четверг предваряет за несколько дней Пасху, это день установления таинства Евхаристии, радостный для христиан праздник, а потому колокол звучит в этот день уже не скорбно.

Перед службой, на которой читаются двенадцать Евангелий, в одноименном рассказе цикла автор описывает колокольные звоны разных церквей: «Нельзя было не вздрогнуть, когда по тихой земле прокатил-

ся круглозвучный удар соборного колокола. К нему присоединился серебряный, как бы грудной звон Знаменской церкви, ему откликнулась журчащим всплеском Успенская церковь, жалостным стоном Владимирская и густой воркующей волной Воскресенская церковь» [9, 29]. В этой насыщенной звуками картине каждая церковь обладает собственным «голосом». Колокольные звоны различаются здесь по силе звука (соборный колокол — самый громкий, дает раскатистый звук, на его фоне звучат «голоса» остальных церквей), по характеру распространения («по <...> земле прокатился круглозвучный удар соборного колокола» [9, 29], т.е. постепенно охватил все доступное восприятию слушателя пространство, о других же «голосах» церкви такого не говорится), по тембру. Большинство храмов городка, в котором живет рассказчик, оказываются Богородичными (Знаменская, Успенская, Владимирская церкви), и в тональности звучания некоторых из этих церквей прослеживаются «женские» черты: «журчащий всплеск» напоминает водное пространство реки (вода — женская стихия), способность издавать «жалостный стон» — тоже женская характеристика. Примечательны особенности звучания колоколов других церквей. «Круглозвучный удар соборного колокола» напоминает движение яблока по блюдецке в волшебной сказке (круглый звон прокатывается по круглой земле; круг, к тому же, — идеальная фигура, и наделение церковного звона этим свойством придает ему значение гармонизации окружающего пространства; также он выражает смысл гармонии, заключенный в церковной жизни как таковой⁴). Эпитет «серебряный»⁵ характеризует мелодичность церковного звона. Сравнение звона колоколов со звуками, рожденными водной стихией (всплеск, волна) перекликается в цикле «Детство» с описанием церковного пения: «Едва слышным озерным чистоплеском, трогательно и нежно запели: «Тебе одевающегося светом яко ризою <...>» [9, 35]. Такие звуки приятны для слуха. В основном они негромки (на это указывает слово «всплеск», означающее однократное звучание, а также «едва слышный чистоплеск»). «Голос» Вознесенской церкви, сопоставленный с «густой воркующей волной», очевидно, сильнее, чем колокольные звоны, сравнивающиеся с «чистоплеском» и «всплеском». Но сила эта смягчена эпитетом «вор-

кующей», т.е. «ласкающей слух». Таким образом, тут представлена целая палитра звуков, как значительно отличающихся друг от друга, так и имеющих определенные оттенки звучания.

Обратим внимание на то, что «голоса» разных церквей раздаются на фоне тишины (первый удар «по тихой земле прокатился» [9, 29]), а потому звон каждой из них может быть хорошо расслышан и точно описан слушателем-рассказчиком. Перед читателем же возникает картина наложения звуков друг на друга. Постепенно к первому звуку присоединяется другой, к ним — третий и т.д. Возникает многоголосие звонов, заполняющее пространство провинциального города. При этом автор подробно описывает не только отдельные колокольные звоны, но и общее впечатление, рожденное всеми представленными звуками: «От скользящего звона колоколов город словно плыл по голубым сумеркам, как большой корабль, а сумерки колыхались, как занавесы во время ветра, то в одну сторону, то в другую» [9, 29]. Сравнение с движением корабля по водной поверхности, на наш взгляд, сопряжено не только с волнообразным звучанием (удары в колокол задаются в определенном ритме; колебание сумерек в тексте описано как ритмичные движения), но и со спасительной ролью церкви в жизни человека. Ведь традиционная метафора церкви — корабль; здесь кораблем назван город, наполненный звоном колоколов, т.е. в данном контексте наиболее значимыми пространственными «точками» в городе становятся именно церкви, а сам город в таком смысловом поле может быть интерпретирован как вместительница церквей, определяющих ход и направление жизни горожан.

Пасхальный звон — самый радостный и самый громкий в рассказах В. А. Никифорова-Волгина. Рассказчик говорит о традиции «в колокола потрезвонить» [9, 33] на Светлой седмице, отмечает, что во время пасхального богослужения слышался колокольный трезвон. В рассказе «Светлая Заутреня» отец Васи повествует о праздновании московской Пасхи: «Кто раз повидал ее, тот до гроба поминать будет. Грохнет это в полночь первый удар колокола с Ивана Великого, так словно небо со звездами упадет на землю! А в колоколе-то, сынок, шесть тысяч пудов, и для раскачивания языка требовалось двенадцать человек! Первый удар подгоняли к бою часов на Спасской башне...» [9, 43]. Уже первый удар в колокол здесь необычен по силе звука: в тексте употребляется гиперболическое сравнение — «словно небо со звездами упадет на землю», — подчеркивающее исключительную громкость московского колокола с колокольни Ивана Великого. Сам колокол — источник звука — тоже необычайно велик. Неслучайна и синхронизация первого удара в колокол с боем часов именно на Спасской башне, поскольку Воскресение Христово — исполнение обещанного Богом человеку спасения.

⁴ Ср. с точкой зрения А. С. Ярешко: «<...> сам колокол, как и человек, символизирует структуру мироздания, а звук его наделен космогоническим смыслом, Божественной энергией» [11, 58].

⁵ Подробнее о семантике серебра в этом цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина см.: Е. Л. Сузрюкова *Металлы в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство» / Культура и текст*. Барнаул, 2017, № 2 (29). С. 108—115. URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2017/06/Suzrykova_2_2017.pdf. [12]

В рассказе отца Васи есть темпоральная инверсия: вначале он говорит о первом ударе колокола, затем описывает предшествующие ему звуки, наполнившие пасхальную Москву: «Да... часы на Спасской башне... Пробьют — и сразу же взрывается к небу ракета... а за ней пальба из старых орудий на Тайницкой башне — сто один выстрел!...» [9, 43]. Эти громкие звуки — обозначенные в тексте (бой часов, пальба) и подразумеваемые (ракета должна разразиться фейерверком) — создают фон, на котором будет звучать первый удар в колокол и следующие за ним звоны. Звуки орудий и салют — символы победы, в данном случае — победы Христа над смертью.

Далее Васин отец рассказывает о собственно колокольных звонах, заполнивших столицу: «Морем стелется по Москве Иван Великий, а остальные сорок сороков вторят ему, как реки в половодье! Такая, скажу тебе, сила плывет над Первопрестольной, что ты словно не ходишь, а на волнах качаешься маленькой щепкой! Могучая ночь, грому Господню подобная!» [9, 43]. Здесь вновь используются сравнения, связанные с водной стихией, только вместо тихого всплеска, характеризующего звон колокола в провинциальном городке, автор обращается к величественным образам моря и рек в половодье, подчеркивающим особую громкость столичных звонов⁶. Перед читателем уже не постепенное наложение звуков друг на друга, но изображение общей картины звучания колоколов Москвы с выделением доминирующего звона, принадлежащего колокольне Ивана Великого. Сопоставление колокольного звона «сорока-сороков» праздничной «могучей ночью» с «громом Господним» усиливает семантику невероятной громкости звука и вместе с тем указывает на сопричастность этих потоков звуков сфере сакрального, божественного. Прот. Серафим Слободской так говорит о значении пасхального колокольного звона: «<...> во дни Светлой Пасхальной седмицы [колокольный звон] возвещает нам о победе жизни над смертью и о вечной, нескончаемой радости будущей жизни в Царствии Христовом» [10, 703]. Эти смыслы, несомненно, присутствуют и в произведении В. А. Никифорова-Волгина.

Колокольный звон присутствует только во включенных в великопостный литургический цикл рассказах «Детства», а также в пасхальном рассказе. В рамках этого цикла в зависимости от времени церковного календаря и особенностей моментов богослужения звучит либо благовест, либо трезвон. Функции колокольного звона, помимо сюжетобразующей, в текстах В. А. Никифорова-Волгина таковы:

⁶ К примеру, В. В. Кавельмахер пишет о наиболее громких московских колоколах так: «Кроме шести великих колоколов Ивана Великого на сводах церкви Рождества Христова и на Филаретовской пристройке стояло четыре огромных благовестника, голоса которых знала вся Москва» [13, 72].

возвещение о начале и об окончании богослужения, призыв верующих на молитву, создание молитвенного настроения, эстетическая функция (украшение церковной службы), выражение эмоционального содержания текущего церковного дня, проповедь православия. Семантика колокольного звона сопряжена с сюжетом наступления «духовной весны», а также с образами водной стихии (всплеск, река, корабль, волны, море и т.п.), не только характеризующими особенности распространения звуков, но и являющимися атрибутами весны и обновления. В целом же, в цикле рассказов «Детство» В. А. Никифорова-Волгина продолжает традицию изображения колокольного звона, заложенную славянофилами в XIX веке, о которой пишет Э. Р. Лассан: «<...> каждая эпоха или идейно-художественное течение трансформируют эту тему — звук колокола воспринимается то как вносящий в душу чувство гармонии и связи с Русью (поэзия славянофилов XIX в.), то как стимул к размышлениям об утраченном времени, то как элемент пейзажа, заставляющего чувствовать тщету личностных переживаний (серебряный век)» [14, 40]. Колокольный звон включен у В. А. Никифорова-Волгина в смысловой комплекс, связанный с миром православной веры, как это было прежде и у славянофилов. Само же произведение отражает воспоминания автора о дореволюционной России⁷, прочно соединенной с восточной христианской культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осьминина Е. А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство» и «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. — М., 2015. — № 5 (716). — С. 216—226.
2. Блохина Е. В. Творчество В. А. Никифорова-Волгина / Е. В. Блохина // Научные труды Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. — Калуга: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2016. — С. 212—215.
3. Сухов А. В. Символика музыкальных образов колоколов и колокольного звона в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» и поэмах С. А. Есенина «Марфа Посадница» и «Пугачев» / А. В. Сухов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — Нижний Новгород, 2016. — № 3. — С. 247—251.
4. Савинова А. Г. Музыкальный код в художественной прозе Н. В. Гоголя: образы колокола и колокольчика / А. Г. Савинова // Вестник Томского государственного университета. — Томск, 2010. — № 333. — С. 17—20.
5. Сухов А. В. Образы колоколов в поэмах Сергея Есе-

⁷ Ср. с изображением колокольного звона в рассказе Б. К. Зайцева «Улица святого Николая» (1921), в котором, по словам И. С. Урюпина, «колокола звонят», будто зывают к голосу совести «<...>» [15, 67], обращаясь к мятушимся душам уже после революции в России.

нина / А. В. Сухов // Современное есениноведение. — Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2012. — № 22. — С. 98—104.

6. Исаков С. Забытый писатель / В. А. Никифоров-Волгин Дорожный посох. — М.: Советская Россия, 1992. — С. 330—339.

7. Пересторонин Н. В. Молнии слов святозарных: Этот известный неизвестный В. А. Никифоров-Волгин / Н. В. Пересторонин. — Киров: Издательский дом «Герценка», 2013. — 76 с.

8. Лященко И. И. Пасхальный благовест / И. И. Лященко // Колокольный звон как феномен славянской культуры: История и современность. — Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011. — С. 63—74.

9. Никифоров-Волгин В. А. Земля-имениница / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Ставро, 2004. — 224 с.

10. Слободской С., прот. Закон Божий / С. Слободской. — Вологово: Издание Николо-Вологовского монастыря, 1999. — 722 с.

11. Ярешко А. С. Сакральный смысл православных колокольных звонов / А. С. Ярешко // Колокольный звон как феномен славянской культуры: История и современность. — Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011. — С. 47—62.

12. Сузрюкова Е. Л. Металлы в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство» / Е. Л. Сузрюкова // Культура и текст. — Барнаул, 2017, — № 2 (29). — С. 108—115.

13. Кавельмахер В. В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни / В. В. Кавельмахер // Колокола. История и современность. Отв. Ред. Б. В. Раушенбах. — М.: Наука, 1985. — С. 39—78.

14. Лассан Э. Р. Благовест сменяется набатом (дискурс колокола в русской культуре) / Э. Р. Лассан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — М., 2014. — № 3. — С. 28—42.

15. Урюпин И. С. Библиейский текст в русской литературе конца XIX — первой половины XX века: курс лекций / И. С. Урюпин. — Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015. — 187 с.

*Новосибирская православная духовная семинария
Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: npds@yandex.ru*

*Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
Suzryukova E. L., Doctor of Philosophy, Lecturer of the
Humanitarian Disciplines Department
E-mail: npds@yandex.ru*